

наше

завтра

ИЗДАТЕЛЬСТВО

магазин

ДЕНЬ

N Z A V T R A . R U

ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ

+7 (499) 490-70-48

+7 (499) 350-17-79

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

16+

МАЙОР СЛУЖИЛ ДАВНО и усердно. Звание своё и нынешний фронт работ на благо Родины в аппарате Службы внешней разведки отрабатывал верой и правдой. Когда-то, в весьма далёкие уже годы студенческой молодости, он мечтал разработать новый раздел высшей математики. Ему нравились сложные алгебраические уравнения с несколькими неизвестными.

Но теоретическая математика так и осталась для него несбывшейся мечтой, а не родом профессиональной деятельности. По окончании Бауманки будущий майор получил интересное предложение и серьёзно задумался. В те годы многие зачитывались романами Юлиана Семёнова. Штирлиц навсегда вошёл в сердца советских граждан как образец настоящего мужчины и высокого профессионала от разведки, его имя стало нарицательным. Многие молодые специалисты мечтали променять скучную и размеренную работу на производстве на героические будни рыцарей плаща и кинжала. Приятно щекотала нервы и теоретическая возможность оказаться в дальнейшем зарубежье. Кроме того, у молодого человека была ещё и молодая жена — особа с большими запросами и сварливыми родителями. Он думал ровно одни сутки, а потом дал согласие. И с тех пор никогда не раскаивался в том, что выбрал это направление на своём жизненном пути.

Своим продвижением по службе Василий Иванович был обязан непосредственному начальнику — человеку с малороссийскими корнями, певучим южным говором, где Г больше походило на Х, и неистребимой ненавистью к некоторым высоким людям, которые, по словам начальника — полковника Нетребко, противостояли обожаемому им Серову, всевластному шефу КГБ СССР в послебериевские годы развития аппарата госбезопасности.

В свою очередь Иван Александрович Серов люто ненавидел всех тех, кого не любил человек, которого он боготворил, — Никита Сергеевич Хрущёв. Именно Хрущёв поднял будущего Ивана Грозного (таково было утвердившееся за ним в кулуарах большой власти прозвище), рассмотрел в скромном начштаба артиллерийского полка нужного ему человека. Сразу после Академии имени М.В. Фрунзе, в 1939-м, Иван Александрович неожиданно для сослуживцев перешёл из армии в органы и быстро возглавил наркомат внутренних дел Украины.

Никита Сергеевич никогда не забывал о своём протеже и сразу после кончины Хозяина, которому, по некоторым данным, упорно вводили яд в любимый им "Боржоми", решил опереться на амбициозного Ивана, сделав его своим подручным по решению ряда деликатных вопросов. И Серов не подвёл — ни в 1953-м, ни в 1957-м, когда генсек нуждался в плече, на которое можно опереться. Хрущёв не остался в долгу: в 1954-м скромный и малорослый вологодский крестьянин возглавил КГБ, а через 4 года — и Главное разведывательное управление. Когда через несколько лет произошло снятие Кукурузника, Иван Грозный решил было удержаться, но был вычеркнут из числа небожителей после раскрытия Пеньковского. Фрол Козлов лично прибыл к нему в кабинет из аппарата ЦК и сообщил начальнику ГРУ о том, что погоны генерала армии придётся снять, а Золотую звезду Героя Советского Союза вернуть обратно Родине. Иван Александрович безропотно подчинился. Тем более что многие в те годы опасались чисток старого образца или девяти грамм в затылок, как это было на самом деле с Лаврентием Павловичем, устранённым генералом Белым (судили на самом деле двойника Берии, когда тело проигравшего в борьбе за власть исполнителя уже давно остыло).

Также без истерик Серов перенёс и исключения из рядов партии — не стал закатывать сцен и не застрелился, оставших вне рядов той организации, которой отдал всю свою жизнь. Правда, он потом ещё долго писал письма в ЦК, доказывая, что его подсидел Владимир Семичастный, намеренно внедривший двурезника Пеньковского в аппарат ГРУ, чтобы торпедировать его, руководителя этой самой структуры. На письма, как водится, ему никто не отвечал. Он тихо скончался в июле 1990 года и был предан земле на подмосковном кладбище в посёлке Ильинское.

Однако в ту эпоху, когда этого невысокого коренастого человека звали Иван Грозный, он успел принять на службу и продвинуть очень многих офицеров госбезопасности. Одним из таковых стал и полковник Нетребко. И хотя в 80-е его бывший шеф, разжалованный до генерал-майора и всеми забытый, уже давно отошёл от дел, полковник Нетребко по-прежнему считал его командиром и испытывал к нему чувство глубокой личной признательности. Принятый на работу в 1960-м Василий Иванович стал одним из самых верных и преданных молодых специалистов при Нетребко. Иногда шеф приглашал Василия к себе — по случаю 23 Февраля или 9 Мая — и начинал вспоминать золотые времена, когда по одному только слову его всевластного босса десятки тысяч человек отправлялись мыть золото на Колыму. Как ни странно, Нетребко был прав: Иван Александрович умел ненавидеть врагов, но так же сильно он любил своих друзей и соратников.

И ВОТ ТЕПЕРЬ Василий Иванович сидел за маленькой буквой Т стола совещаний у своего командира и усердно потел. Он испросил взглядом у хозяина кабинета разрешения и налил себе стакан воды из старорежимного стеклянного графина, стоявшего на століке рядом с декоративным флюсом. Собственно, потел майор по двум причинам: первой были, как водится, ранняя

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В МОСКВЕ

Глава из романа

гипертония и избыточный вес бывшего тяжелоатлета, вторая же заключалась в попытке вникнуть в хитросплетения начальственной мысли.

— Ты вот что, Василий Иванович, — продолжал между тем Нетребко, — ты возьми этого юношу на заметку. Интересный человек — внук того самого Кузьмина.

Василию Ивановичу не надо было объяснять, кто такой "тот самый Кузьмин". Он давно уже привык на посиделках выслушивать бесконечные излияния своего шефа по поводу некоторых фигур, бывших в силе в золотую пору Серова. Самым ненавистным в этом пантеоне был образ Иосифа Иосифовича Кузьмина. Своим пытливым аналитическим умом майор госбезопасности много лет назад сообразил, что у его руководителя есть какие-то личные мотивы, заставляющие испытывать столь сильное отрицательное чувство. Потом, со временем, по песчинкам складывая мозаику из случайно просочившихся признаний командира, он примерно восстановил, что же произошло между Серовым и Кузьминым в далёком 1957-м. Похоже, Кузьмин участвовал в заговоре против дорогого Никиты Сергеевича, и Первый приказал свалить председателя Госплана, за что Иван Грозный и принялась с обычным для него рвением. Как знал Василий Иванович, молодой в те годы Нетребко принимал самое непосредственное участие во всей операции.

Надо признать, что "построить" досье "Комитет глубокого бурения" всегда умел, но здесь дело усугублял высокий ранг разработки. Поэтому-то Иван Александрович и обратился к своему доверенному исполнителю, глубокомысленно намекнув ему на то, что Никита Сергеевич будет, мол, доволен и особо оценит. Будущий полковник, а тогда достаточно молодой опер пошёл к решению поставленной задачи со всем присущим ему несомненным талантом. В считанные дни была смонтирована аудиозапись, в которой глава Госплана ругал на чём свет стоит генерального секретаря и даже рассказывал про него какой-то анекдот. Серов послушал запись и остался доволен.

А потом наступил крах. Хрущёв получил плёнку с секретной записью высказываний Кузьмина, ожидаемо вскипел до потери разума и, брызжа слюной, вызвал того на ковёр. Иосиф Иосифович явился и в своей спокойной флегматичной манере молча выслушал все возможные и невозможные обвинения в своей адрес. Дело в том, что Кузьмин и его руководитель давно были на ножах: знал Хрущёв, что глава Госплана спит и видит смещение "зарвавшегося малоросса", который не только подарил Крым украинцам, но ещё и замыслил даже реформу русского языка провести для того, чтобы максимально сблизить его с мовой. На полном серьёзе маститые академики от лингвистики обсуждали, что правильнее было бы русскому человеку говорить "по огурцы" и "молодцы", а, скорее, "огурци" и "молодци"... Вся эта ахинея потихоньку продвигалась говорливым охальником, занявшим первое кресло в СССР, который до этого был славен лишь тем, что в своём заголовном бегстве из Киева перед наступающей фашистской ордой якобы "забыл" уничтожить карточку украинских коммунистов. Благодарное ему заочно гестапо много месяцев подряд расстреливало по этим спискам всех значившихся в них людей, а Хрущёв, если верить ближайшему окружению Сталина, на коленах вымаливал у Хозяина прощение и в прямом смысле слова лизал ему сапоги.

Так ли это было, или кремлёвские мифотворцы добавили пару пикантных деталей, узнать за давностью лет не представляется возможным. Но то, что Хрущёв решил уничтожить авторитет великого вождя, было в глазах преклонявшегося перед Сталиным Кузьмина подобно святотатству. И Хрущёв хорошо об этом знал, что и привело к сложной многоходовке, закончившейся истеричным скандалом в кабинете Первого. Самое любопытное, что Кузьмин не стал возражать, но потребовал объяснений, когда была сделана запись. Хрущёв, недолго думая, вызвал в кабинет Серова, и тот доложил дату. После чего состоялась, как любили писать в романах прежних лет, "интересная немая сцена под липами". Кузьмин спокойно возразил, что в день, когда он якобы опасно критиковал Никиту Сергеевича в стенах своего ведомства, он на самом деле находился за тридевять земель от служебного кабинета, будучи в командировке в Казахстане. Блестяще рассчитанная и технически безупречная интрига обрушилась как карточный домик из-за непродуманно названной Серовым даты.

Любопытно, что после этого Хрущёв перенёс весь свой ясновельможный гнев со своего врага Кузьмина на собственных нерадивых исполнителей. Разумеется, в дальнейшем Серов не преминул выместить настроение на Нетребко, задержав на неопределённый срок продвижение последнего по службе и понизив в должности. И только опала всемогущего Ивана с его последующей отставкой позволила Нетребко со временем дожить до трёх звёзд и двух просветов на погонах. Но бешеную холодную ненависть к Кузьмину он затаил на всю жизнь, передав её во время

служебных попок и своему протеже — Василию Ивановичу.

ПОХОЖЕ, ТЕПЕРЬ и настал звёздный час запоздалого возмездия. Небрежным жестом Нетребко перекинул подчинённому папку личного дела из рыхлого картона с тесёмками. На обложке было красиво выведено агентурное имя агента — Альманах. Тут же, естественно, стоял и штемпель "секретно" с соответствующим кодом...

Майор выжидательно глянул на полковника. А тот, хищно улыбнувшись, проговорил:

— Вот и попался он к нам на куку! — Кузьмин, — как-то совсем просто ответил полковник. — Мы же его ведём с одна тысяча девятьсот висемьдесят сьомую аж року.

— А-а-а, — глубокомысленно выдал подчинённый, уставившись на полковника. Потом немного подумал и глотнул воды.

— Что — а-а-а?! — раздражённо прикрикнул Нетребко. — Разაკался мне тут!!.. Видём, говорю, этого Кузьмина, понял?

— А его зовут Кузьмин? — тупо переспросил майор.

— А то! — хищно улыбнулся полковник. — Он самый, голубь зискрышный, внук известного дедушки. Тот ещё гарный хлопчик! Его тогда, в тренировочных лагерях во Владимирской области, наш особист заприметил. Ну и сломал о колено со всеми необходимыми писульками. Попугал Салангом, объяснил, что, согласис Кузьмин на Афган, за ним присмотрят по особой статье. Ну вот парень и раскололся по самое не хочу: дал расписку о желании сотрудничать, согласился на подготовку и отправку в направлении Франции. Всё чин чинарь!! Мы ему, правда, погонь пообещали, но обещать-то не значит жениться. Да ты сам-то дело хоть полистай, Василий, а то сидишь тут, как невеста на выданье, и только потеешь!

Майор неторопливо придвинул к себе пожелтевшую папку и стал перелистывать страницы, вникая в документы. Да, действительно, расписка Кузьмина о начале сотрудничества, отчёты наружки о контактах объекта — так, ничего предосудительного... Связь с сослуживцей по художественному салону, где Кузьмин подрабатывал переводчиком-искусствоведом. Фото этой самой сослуживцы — дамы, судя по наглым глазам и обильному макияжу, лет на десять старше Владимира и изрядно потрёпанной жизнью... Справка о выигранных олимпиадах по французскому. Отчёт из торгпредства СССР в Париже о встрече Кузьмина с Крючковым...

— С Крючковым?! — незаметно для самого себя вслух изумился майор. — Самим шефом? — Василий Иванович поднял глаза и вопросительно глянул искоса, застенчиво-деликатно на командира. А тот, оказывается, не спускал с него глаз, жадно наблюдая за реакцией подчинённого.

— Возьми в разработку! — жёстко повторил Нетребко.

— Парень сейчас во Франции? — переспросил подчинённый.

— Да, и вроде бы как нащупал там интересное дельце, — тут Нетребко разве что не замурлыкал от удовольствия. — Наш резидент докладывает, что французы решили взять у нас стволы. Мы же теперь совсем не супердержава, — тут полковник деланно вздохнул и потёр запясыны на лбу. — Ну и, значит, бояться нас нечего. Каждый пытается урвать свой кусок пирога. Французы не исключение. Мы дешевле, чем немцы. А из американской M16 разве что в тире палить. Там и схема хорошая вырисовывается — через Ближний Восток. Пошлём пробную партию оружия, потом переговоры, — Нетребко мечтательно уставился в потолок. — Чтобы после перед детьми стыдно не было — надо же им что-то оставить, не табельное же оружие из сейфа по наследству передавать? — То есть мне "вести" Кузьмина и держать связь с резидентом?

— Да, — ответил, нахмурясь, полковник. Потом побарабанил пальцами по стеклу, закрывавшему столешницу, грузно поднялся, прошёл к окну и понизил голос так, что майору приходилось буквально ловить каждое слово, вытянув почерепашьи шею. — Ты только это, пойми! Нам свидетели потом не нужны.

— В смысле? — изобразил непонимание майор.

— В смысле! — рассердился неожиданно Нетребко. — В том самом смысле! Совсем чудак на букву М или притворяешься?

Потом вернулся в кресло, сел и быстро написал на бумаге цифру, передвинув её по столу к подчинённому, но прижимая большим пальцем краешек верхнего угла, чтобы тот не мог забрать лист со стола. На бумаге значилось 10 000. Полковник подумал немного, вернул лист к себе и пририсовал к цифири знак доллара. Потом мотнул головой в сторону Василия Ивановича и упёр указательный палец в знаки на бумаге.

А у майора в это время в голове царил сплошной сумбур. Слов нет, цифра была более чем красивая — заманившая была сумма, сверхзаманивая. Василий Иванович вдруг подумал о дачном участке в Горках. Тыщ за семь-восемь он его точно возьмёт. Вспомнил и супругу свою, вечно

недовольную и пропахшую лекарствами от гипертонической болезни, общей их семейной хвори. "А какая была в молодости — огоны!" — взругнулось ему тут совсем некстати. Да, так работать можно! Он сделает ещё ремонт в душе в Гольяново, где плохого качества кондовые советские обои уже давно отклеились от стены. И отложит на отпуск — съездит с женой к Балтийскому морю. Верочке на юга вредно — врачи не велят.

Он заискивающе улыбнулся начальнику и качнул головой, а тот поворотно схватил бумагу, смомкал, потом бросил в большую хрустальную пепельницу, достал любимую зажигалку с красивой надписью Bourbon и поджжёт краешек листа. Понаблюдая с минуту, как белый квадратик, корчась, съезживается, и поднял на Василия Ивановича взгляд холодных водянистых чуть навывате голубых до бесцветности глазок в тяжёлых набрякших веках.

— Твоё дело, честно говоря, маленькое — будь на связи! Ответвай на шифровки! Словом, обещивай! Да, вот ещё... — тут Нетребко встал, одёрнул китель и сказал раздельно: — Кузьмина этого, который Альманах, мы знать не знаем.

— То есть? — переспросил Василий Иванович. — Его не прикрывать?

— А зачем? — хитро улыбнулся подчинённому начальник. — Как обтяпана дельце, всё осталь-

ное не наши проблемы. Пусть плавает, рыба наша, пока американцы не выпловят. Ну и подкинй ему — копь уж он функционирует — что-нибудь из текущего. Если парень закроет что-то мелкое, но надевшее, мы тебя за его заслуги повысим. Пора тебе, Вася, в подполковники выходить, за-сиделся ты что-то в майорах — а у тебя уже пенсия на носу. А погорит наш Альманах — нам-то что? Как говорится, адью и поминай как звали!

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ вышел из кабинета шефа в хорошем настроении. Он зашёл в туалет. Выйдя из кабинки, с наслаждением выкурил одну сигарету под вечно открытой в гулком кафельном пространстве форточкой, потом вернулся к себе, опечатал кабинет и через проходную мимо дежурного прошествовал на волю. Вдохнул чистый автомобильный выхлоп, заменивший воздух на Лубянке, и нырнул в пешеходный переход, а оттуда — в метро. Надо было успеть! По телевизору сегодня интересней футбольный матч, а до Гольяново ехать около часа. Дома он сделал глубокомысленный намёк на возможное изменение в положительную сторону финансовых обстоятельств, но жена почему-то не обрадовалась, а посмотрела на него с тревогой. Василий Иванович про себя (вслух он никогда бы не осмелился) обзавел её дурой и сел смотреть матч. Ночью спалось ему хорошо. Причём сновения были весьма приятными, но утром жена сказала ему, что во сне он задыхался и хрипел. Утром, плохо выбритый, он отправился на службу и долго сидел в кабинете в одиночестве, рассматривая фотку Кузьмина. Потом вздохнул и написал текст шифровки. Перекинул его в секретную часть на отправку во Францию.

Майор не знал, что оставалось жить ему относительно недолго — что-то около полутора лет. Впрочем, все мы на этой земле в командировке, кто в долгосрочной, а кто — и не очень.

"Костяк Советской империи стал трещать по швам... Страна, как корабль, легла в затяжной дрейф и стала всё больше крениться набок, готовясь опрокинуться. И вот тогда... некоторые отпетые и прожжённые руководители в аппарате КГБ решили "торгануть" самым сокровенным для любой разведслужбы мира — агентурными списками своих сотрудников и созданных ими сетей за рубежом..."



ДЕНЬ-ЦЕНТР
приглашает

15 ноября (среда) в День-центре состоится встреча с кандидатом технических наук **Романом ГОЛУНОВЫМ**.

Тема встречи: Социальный рейтинг. Возможен ли он в России? Напоминание о подходе Китая. Рассказ о подходе в России.

Начало в 17:00, просьба прийти несколько заранее.

16 ноября (четверг) в День-центре состоится встреча с доктором исторических наук **Варданом БАГДАСАРЯНОМ**.

Тема встречи: Историческая политика. Политика сквозь призму истории. Начало в 16:00, просьба прийти несколько заранее.

19 ноября (воскресенье) в День-центре состоится встреча с российским историком, вирусологом, публицистом и энциклопедическим образованным человеком **Фёдором ЛИСИЦЫНЫМ**.

Тема встречи: Роман Проханова "Луна-тик"

Начало в 13:00, просьба прийти несколько заранее.

Адрес: г. Москва, ул. Коровий Вал, 1А, стр. 1, ТЦ "Добрынинский", 3-й этаж (одна минута пешком от станции метро "Добрынинская").

Регистрация на встречи — на сайте ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ или по телефону: 8-499-350-17-79. Зарегистрированы также можно перед началом встречи непосредственно в зале День-центра.

Наличие распечатанного билета обязательно для посещения мероприятия.

Уважаемые участники! На мероприятиях можно приобрести книги авторов.

Если вы хотели бы гарантированно приобрести книги из нашего ассортимента, просим вас заранее оформить заказ на сайте день-магазин.рф. Мы с радостью доставим вам заказ на встречу.

Вниманию! Доносём вам на мероприятиях запрещения.